

1

— Мама?

Ответа не было. Да она его и не ждала. Прошло четыре дня с тех пор, как мать умерла, и Кира видела, что остатки маминой души отлетают прочь.

— Мама, — тихо повторила Кира, обращаясь ко всему, что отправлялось в небытие. Она, казалось, ощущает это движение: слабое дуновение ветерка тихой ночью.

Теперь она осталась совсем одна. Кире было очень одиноко и грустно, она не знала, что ей делать дальше.

Ее мать Катрина, всегда такая добрая и улыбчивая, после быстрой и неожиданной болезни превратилась в тело, в котором еще оставалась душа. А спустя четыре восхода и четыре заката ушла и душа. Теперь это было просто тело. Скоро должны были

прийти копатели и зарыть его, но все равно Катрину съедят голодные твари, приходящие по ночам. Затем кости распадутся, сгниют и раскрошатся, смешаются с землей.

Кира быстро вытерла рукой глаза, которые наполнились слезами. Она любила свою мать и будет страшно скучать по ней. Но пора было идти. Она воткнула посох в мягкую почву, оперлась на него, встала и неуверенно оглянулась вокруг.

Она была молодой и никогда до этого не сталкивалась со смертью, во всяком случае, ни разу не видела, чтобы в семье из двух человек умирал один. Конечно, ей доводилось смотреть на то, как погребальные ритуалы совершали другие. Она и сейчас видела людей на зловонном Покидай-поле — они стояли, сгрудившись возле тех, чью испаряющуюся душу охраняли. Она знала, что где-то здесь женщина по имени Елена наблюдает за тем, как душа уходит из тела ее преждевременно родившегося ребенка. Елена пришла на Поле накануне. За младенцами не нужно следить четыре дня — их крошечная душа, едва пришедшая в этот мир, отлетает быстро. Так что Елена скоро вернется в поселок к своей семье.

А вот у Киры теперь не было ни семьи, ни дома. Хижину, в которой жили они с матерью, сожгли. Так всегда делали, когда кто-то заболел и умирал. Лачуги, служившей Кире домом с рождения, больше не было. Сидя возле тела, она видела поднимающийся вдали дым. Вместе с душой матери в небо, кружась, отлетали обгоревшие кусочки Кирино детства.

Ее передернуло от страха. Страх всегда был частью жизни людей. Именно страх заставлял их строить себе укрытия, искать пищу и выращивать растения. А еще делать и копить оружие. Был страх холода, болезни и голода. Был страх тварей.

Именно страх сдвинул ее с того места, где она стояла, облокотившись на свой посох. Она бросила последний взгляд на безжизненное тело, которое раньше было ее матерью, и стала думать, куда пойти.

Надо строить новый дом, решила Кира. Если она сможет найти помощь, то управится быстро, особенно сейчас, в начале лета, когда ветки деревьев гибкие, а на берегах реки полно густой глины. Но скорее

всего, придется все делать самой. Кира не раз видела, как строят другие, и понимала, что, наверное, сможет соорудить себе какое-то укрытие. Конечно, наверняка стены получатся косыми, а очаг кривым. И трудно будет настилать крышу: из-за больной ноги она вряд ли сможет залезть наверх. Но она что-нибудь придумает. Как-нибудь да выстроит себе хижину. А затем решит, на что жить.

Ее дядя, брат матери, два дня провел на Поле, но он охранял не Катрину, свою сестру, а безмолвно сидел возле тел своей жены, вспылчивой Солоры, и их только что родившегося младенца, которому даже не успели дать имя. Встретившись, Кира и брат ее матери только кивнули друг другу. Но сейчас он уже ушел, поскольку его время на Поле закончилось. Ему надо было заботиться о детях: у них с Солорой их осталось двое. Они были еще маленькими, и их пока звали односложно — Дан и Мар. «Может, я буду за ними присматривать», — подумала было Кира, пытаясь представить свое будущее в поселке. Но сразу же поняла, что ей этого не разрешат. Детей Солоры

заберут и отдадут бездетным. Здоровые и сильные малыши ценились высоко: если их хорошо воспитать, они будут служить семье и приносить ей пользу.

А Киру ценить никто не будет. Никто, кроме матери, никогда не ценил ее. Катрина часто рассказывала Кире историю ее рождения — рождения девочки без отца и с вывихнутой ножкой — и как матери пришлось бороться, чтобы сохранить ей жизнь.

— За тобой пришли, — шептала Катрина, сидя вечером в хижине у ярко пылавшего огня. — Тебе был всего один день, у тебя не было имени, даже односложного.

— Имени Кир.

— Да, правильно: Кир. Мне принесли еду и собирались забрать тебя на Поле.

Киру передернуло. Так было принято, таков был обычай, и это было милосердно — отдать обратно земле безымянного и ущербного младенца до того, как в нем поселится душа и он станет человеком. Но она все равно поежилась.

Катрина погладила волосы дочери.

— Они не хотели тебе зла, — напомнила она.

Кира кивнула.

— Они не знали, что это была я.

— Но это еще и не была ты.

— Расскажи еще раз, почему ты сказала им «нет», — прошептала Кира.

— Я знала, что у меня не будет другого ребенка, — вздохнула мать, вспоминая. — Твоего отца забрали твари. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он ушел на охоту и не вернулся. Поэтому у меня больше не могло быть детей. Да, возможно, когда-нибудь мне бы дали на воспитание сироту. Но уже тогда — хотя твоя душа еще только вселялась в тебя, а твоя ножка была вывернута и было понятно, что ты никогда не будешь бегать, — уже тогда у тебя был умный взгляд. Я видела в твоих глазах нечто необычное. А еще у тебя были длинные пальцы.

— И сильные. У меня были сильные руки, — добавила Кира довольно. Она столько уже слышала эту историю, но всякий раз опускала глаза и с гордостью смотрела на свои руки.

Мать улыбнулась:

— Очень сильные. Ты схватила мой большой палец и не хотела его отпустить. Ты так

крепко в меня вцепилась, что я просто не могла тебя отпустить. Я просто сказала им «нет».

— Им это не понравилось.

— Но я не сдавалась. И конечно, еще был жив мой отец. Он уже был старым, четырехсложный, а до этого он долгое время был вождем, Главным Хранителем. Его уважали. И твой отец тоже стал бы уважаемым вождем, если бы не погиб на большой охоте. Его успели избрать Хранителем.

— Скажи мне, как его звали, — попросила Кира.

Мать улыбнулась. На ее лицо падал отблеск от очага.

— Кристофер, — сказала она, — ты же знаешь.

— Мне приятно слышать его имя. Я люблю, когда ты его произносишь.

— Рассказывать дальше?

Кира кивнула:

— Ты не сдавалась, ты стояла на своем, но они заставили тебя пообещать, что я не стану обузой. Но ведь я и не стала, правда?

— Конечно нет. Ты хромаешь, зато у тебя сильные руки и светлая голова. Ты хорошая помощница в ткацкой артели; это гово-

рят все женщины, которые там работают. Хромая нога — ерунда, ты ведь у меня умница. А какие истории ты рассказываешь малышам, какие картины ты сплетаешь из слов и нитей! А как ты вышиваешь! Ничего подобного люди никогда не видели. Я бы никогда так не смогла!

Она замолчала, а потом улыбнулась:

— Ну все. Захваляю тебя еще. Не забывай, ты пока ребенок и тебе надо слушаться взрослых, а ты что? Утром, например, забыла прибраться в доме, хотя обещала.

— Завтра не забуду, все сделаю, — сонно сказала Кира. Она лежала на толстой циновке, прижавшись к матери и вытянув ногу так, чтобы было удобно спать всю ночь. — Обещаю.

А теперь у нее совсем никого нет, никто ей больше не поможет. Семьи у нее не осталось, а сама она не считалась в поселке особо полезной. Кира помогала ткачихам собирать обрезки ткани и прочие отходы, но из-за хромо́й ноги ценность ее как работника и — в будущем — как жены была небольшой.

Да, женщинам нравились сказки, которые она рассказывала малышам, чтобы их развлечь или успокоить, все восхищались тем, как она вышивала лоскутки. Но это же всё развлечения, а не работа.

Солнца на небе уже не было видно, деревья и колючие кусты, растущие по краям Покидай-поля, отбрасывали длинные тени. Значит, было уже далеко за полдень. Ей пора было уходить, но вот куда? Она осторожно собрала шкуры, на которых спала эти четыре ночи, что охраняла душу матери. От костра осталась холодная почерневшая зола. Сосуд для воды был пуст, еда закончилась.

Медленно, опираясь на палку, она ковыляла к тропе, ведущей к селению. В ней теплилась надежда, что там ее кто-то ждет.

На краю покрытой мхом поляны играли малыши. К их голым телам и волосам пристали сосновые иголки. Она узнала детей, улыбнулась. Здесь был светловолосый сын знакомых; она помнила, как он родился два солнцеворота назад. И девочка, чей брат-близнец умер; она была младше светловолосого, едва начала ходить, но

смеялась и визжала вместе со всеми детьми, которые играли в догонялки. Малыши шлепали и пихали друг друга, хватали прутки и размахивали кулаками. Кира помнила, как много лет назад и ее сверстники играли в эту игру, которая готовила их к настоящим сражениям, ко взрослой жизни. А ей из-за хромоты оставалось только с завистью наблюдать со стороны.

На нее посмотрел старший ребенок, чуждый мальчик лет восьми или девяти, еще не ставший подростком и не получивший двусложного имени. Он собирал хворост и складывал его в связки. Кира улыбнулась. Это был Мэтт, ее давний друг. Мэтт ей нравился. Он жил в заболоченном Фене, наверное, его отец был волочилой или копателем. Мэтт свободно бегал по поселку вместе со своими шумными друзьями и собакой, не отходившей от него ни на шаг. Иногда он отвлекался от беготни, чтобы выполнить какую-нибудь небольшую работу за несколько монет или сладости. Кира помахала Мэтту. Кривой хвост собаки, из которого торчали веточки и листья, глухо застучал по земле, а мальчик улыбнулся ей в ответ.

— Так ты чего, с Поля обратно? — спросил он. — Ну и чего? Небось того, жуть? А твари ночью приходили?

Кира покачала головой. Односложным детям нельзя было ходить на Поле, поэтому Мэтту было интересно и немного страшно.

— Не было тварей, — успокоила она его. — Я разожгла костер, они его боятся.

— Ну, чего Катрина? Ушла из тела-то? — спросил он.

Жителей Фена всегда можно было узнать по грубому говору и таким же грубым манерам. Многие глядели на них свысока. Но не Кира. Мэтт ей очень нравился.

Она снова кивнула:

— Дух моей матери ушел. Я видела, как он покидает тело. Как дымок. Его унесло.

Мэтт подошел к ней, не выпуская из рук охапку хвороста. Он грустно посмотрел на нее и шмыгнул носом.

— Хижина твоя жуть как горела, — сказал он.

Кира вздохнула. Она знала, что ее дом, скорее всего, уже разрушен, хотя втайне надеялась, что случилось чудо и он уцелел.

— И все наши вещи сожгли? А мою рамку? Рамку для вышивания тоже?

Мэтт нахмурился:

— Почти все, того, сгорело. Сожгли только вашу хижину. Обычно, как болезнь случается, палят дом за домом. Но в этот раз только ваш.

— Да, — снова вздохнула Кира.

Раньше часто бывали болезни, распространявшиеся от хижины к хижине, и многие умирали. Тогда устраивали огромный пожар, а за ним начиналось новое торжественное строительство и с утра до вечера слышались равномерные шлепки глины, которую рабочие бросали на деревянные стены и разглаживали. Новые хижины росли, хотя запах гари от старых еще витал в воздухе.

Но сегодня никакого праздника не было. Раздавались только привычные звуки. Смерть Катрины ничего не изменила в жизни людей. Катрина была — теперь ее нет. Жизнь остальных продолжалась.

Кира остановилась у колодца и наполнила свой кувшин водой. Отовсюду слышалась ругань. В поселке постоянно звучали перебранки: грубые замечания мужчин, соперничавших между собой; визгливое хва-

стовство и насмешки женщин, завидовавших друг другу; крики и нытье детей, которые путались под ногами у родителей и постоянно получали от них пинки.

Кира сощурилась от вечернего солнца, приложила руку козырьком к глазам, пытаясь разглядеть пожарище на месте своей хижины, и глубоко вздохнула. Глину на берегу реки и так нелегко добывать, а еще придется далеко носить деревянные жерди. К тому же угловые балки должны быть прочными, и их будет совсем тяжело таскать.

— Мне пора строиться, — сказала она Мэтту. Он все держал вязанку хвороста в исцарапанных и грязных руках. — Поможешь? Вдвоем веселее. Я не смогу тебе заплатить, но буду рассказывать новые истории.

Мальчик покачал головой.

— Если не соберу хворост, побьют меня, — проговорил он и отвернулся.

Потом он снова повернулся к Кире и тихо сказал:

— Слышал, тебя прогнать хотят. Мамка-то твоя померла, вот они и отдадут тебя тварям. Хотят, чтобы волочили тебя за брали.

У Кире от страха перехватило дыхание. Но ей надо было обо всем разузнать, поэтому она старалась говорить спокойным голосом: если Мэтт поймет, что она боится, то испугается сам.

— Кто — они? — спросила она, и все равно голос задрожал и прозвучал на тон выше обычного.

— Ну эти, бабы, — ответил он. — Слышал их у колодца. Я там таскал щепу из мусора, а они меня не заметили. Короче, им нужен твой участок. Ну, где была твоя хижина. Загон им нужен, чтоб держать в нем малявок и птицу. Чтоб не бегать за ними все время.

Кира пристально смотрела на него. Как невероятно и чудовищно — какой будничной была эта жестокость. Ради загона для детей и кур женщины выставят ее из поселка и отдадут на съедение лесным тварям, которые так и ждут новой добычи.

— Кто больше всех хотел меня прогнать? — спросила она спустя минуту.

Мэтт задумался. Он тербил ветки, и было видно, что он колеблется, боится за себя. Наконец (все-таки он ее друг), оглянув-

В ПОИСКАХ СИНЕГО

шись и убедившись, что его никто не слышит, он назвал имя человека, с которым Кире предстояло бороться.

— Вандара, — прошептал он.

Кира не удивилась. И все равно ее сердце сжалось.

Лоури Л.

Л 81 В поисках синего : роман / Лоис Лоури ; пер. с англ. С. Петрова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 288 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-24109-1

Кира родилась с физическим изъяном. От подобных ей в поселке сразу избавляются — таков обычай. Кире удалось выжить, но теперь, после смерти матери, она остается один на один с разгневанными соседями, требующими расправы. На суде, где решается судьба сироты, ее защитник отмечает: девочка обладает удивительным умением. И это умение сыграет в судьбе Киры решающую роль...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЛОИС ЛОУРИ
В ПОИСКАХ СИНЕГО

Ответственный редактор Евгения Бессонова
Редактор Анна Красникова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Оксана Пирязева, Милена Минина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.10.2023. Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 13,41.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-AVA-33068-01-R